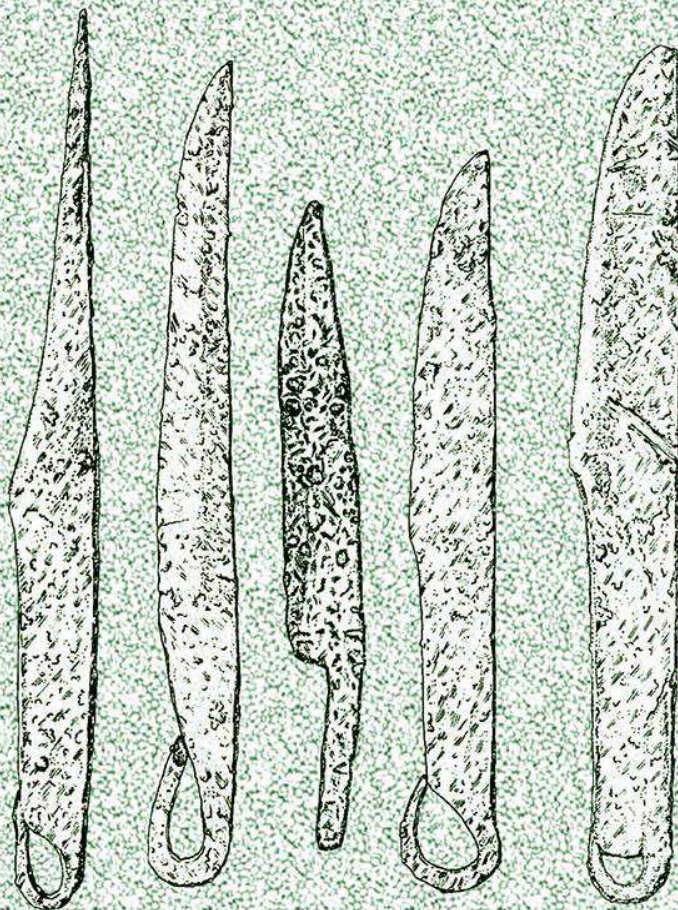

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск V

«СКЕЛЕТНЫЙ» СТИЛЬ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕВЕРНОЙ АЗИИ (ОБ ИСТОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ)

В науке давно закрепилось мнение о сакральной значимости образов петроглифов, выполненных в «скелетном», или, по терминологии в мировой науке, – рентгеновском стиле («RX»). Характерным признаком, маркирующим данную манеру изображения, является поперечное сечение телесного контура зоо- или антропоморфных фигур линиями «ребер». В древнем искусстве Северной Азии изображения в «скелетном» стиле встречаются не только на скалах, но и в металле (рис. 1 – 7), на дереве (рис. 1 – 9), керамике (рис. 1 – 11).

Традиционно принято считать, что «скелетный» стиль в наскальном искусстве Сибири зародился в эпоху позднего неолита и получил свое широкое распространение в эпоху бронзы, в рудиментарном виде сохраняясь в эпоху раннего железного века.

В свое время А. П. Окладников относил к периоду железа изображения лосей в «скелетном» стиле и личины с трехрогим головным убором [Окладников, 1959]. После того как раскопки в Минусинской котловине выявили целый пласт гравировок II тысячелетия до н. э., содержащих такие личины и контурные рисунки быков, заштрихованные в клетку или поперечными полосами, стало ясно, что и «скелетный» стиль и личины были свойственны уже развитому бронзовому веку [Вадецкая, 1965]. Учитывая

это, в книге «Петроглифы Ангары» А. П. Окладников зачислил все изображения лосей «скелетного» стиля в неолитическую группу, а личины отнес к эпохе бронзы [Формозов, 1967. С. 73].

К настоящему времени мнения исследователей вариативны. К точке зрения А. П. Окладникова о неолитическом возрасте изображений животных (лосей) в «скелетном» стиле впоследствии присоединился А. И. Мартынов [Мартынов, 1971. С. 103-118; Окладников, Мартынов, 1972. С. 255].

Подобной датировки придерживается Н. Л. Подольский и Я. А. Шер [Шер, 1980. С. 187-189]. К неолиту отнес подобные изображения животных на могильных плитах Каракола (Горный Алтай) В. Д. Кубарев, полагая, что они переиспользованы для погребений [Кубарев, 1988. С. 171].

К эпохе раннего металла (III тыс. лет до н. э.) отнес данную группу животных Западной Сибири А. А. Формозов [Формозов, 1973. С. 262]. Еще более молодой возраст таким изображениям дает Н. В. Леонтьев [Леонтьев, 1978. С. 102], включив их в круг распространения изобразительных традиций (вместе с антропоморфными личинами), характерных для окуневского искусства.

Изображения лосей, выполненные в «скелетном» стиле, датирует эпохой бронзы С. В. Студзицкая, она считает,

что «начальную стадию такой манеры можно проследить на писаницах Прибайкалья в глазсковское время...» [Студзицкая, 1981. С. 42]. По мнению В. И. Молодина, изображения лосей на каракольских погребальных ящиках, как и другие изображения подобного вида в Западной Сибири и сопредельных регионах, датируются периодом развитой бронзы, т. е. двумя первыми третями II тыс. до н. э. [Молодин, 1993. С. 16].

При стилистическом анализе набора доокуневских рисунков авторы известной монографии «Шалаболинские петроглифы» отмечают изображения, выполненные в «скелетном» стиле [Пяткин, Мартынов, 1985. С. 107]: «... стилистическое, сюжетное, репертуарное сопоставление с хорошо датированными наскальными рисунками Сибири позволяет отнести время их создания, по крайней мере, к IV, а может быть, и к V тысячелетиям до н. э.» [Там же. С. 138].

С чем же связано появление данной изобразительной традиции в древнем искусстве Северной Азии? Априорно, опираясь на широко известные образцы наскального творчества, например, австралийцев, многие исследователи полагают, что в такой форме показано внутреннее строение изображаемого объекта.

Опираясь на данные этнографии, поперечные линии трактуются как ребра, обозначая скелет и, соответственно, символическую смерть, что по шаманской практике маркирует переход в другую – ирреальную – ипостась образа.

Так называемый «скелетный», или «рентгеновский», стиль изображений

обозначал «чистоту» образа. «Прозрачность», по представлениям многих народов, подчеркивала «святость» персонажа, его культовую значимость. Соответственно, изображения ребер на переднике шаманского костюма свидетельствовали о символической смерти простого человека и перерождении его в шамана – избранника духов (рис. 1 – 10). Традиция получения подобного нагрудника существовала у индейцев Северной Америки, когда юноша во время инициации обретал новый социальный статус мужчины /воина (рис. 1 – 15). В данном случае нагрудник дополнительно носил функцию оберега, щита, что сближает его по форме и содержанию с изображениями «щитов» на оленных камнях Евразии (рис. 1 – 14).

Необходимо отметить, что вышеприведенные факты – свидетельство культурных традиций сравнительно недавних эпох, что вызывает определенные сомнения в однозначности, собственно, «скелетной» трактовки вопросов генезиса рассматриваемого стиля.

Обратимся к особенностям ранних изображений животных в древнем искусстве Северной Азии:

1) многие изображения промысловых животных наносились охрой или промазывались ей по выбитому контуру;

2) органическим компонентом минерального красителя являлась кровь – «поток жизни»;

3) поперечные линии контура (рис. 1 – 4) нередко помещались не на месте ребер, а в области шеи, часто совмещались с «линией жизни» (изображение сердца и аорты);

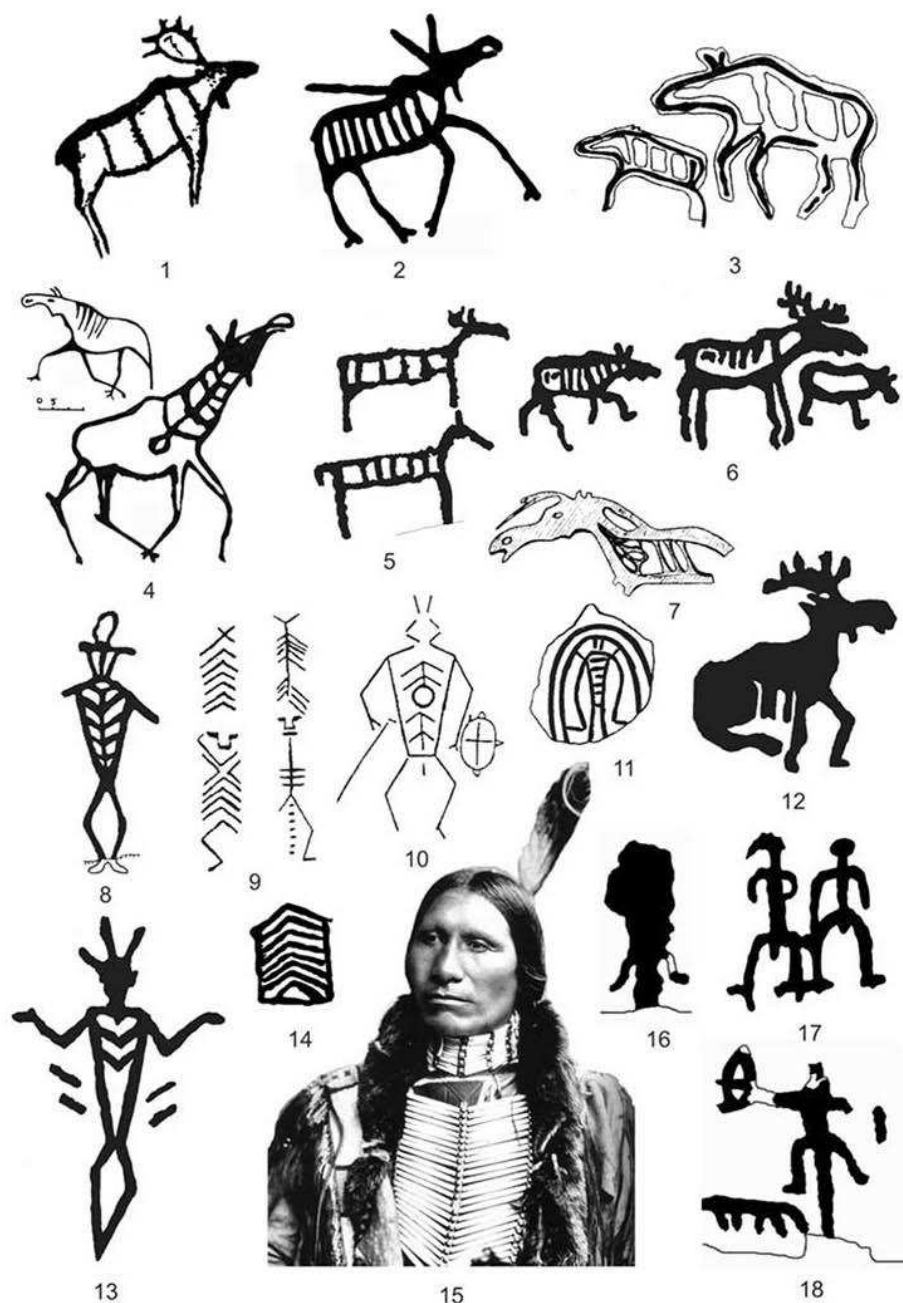

Рис. 1. 1– Шалаболинская писаница (по Пяткину, Мартынову, 1985); 2– Шалаболинская писаница (по Заике); 3 – Второй Каменный остров (по Окладникову, 1966); 4 – Томская писаница (по Окладникову, Мартынову, 1972); 5 – Писаница Тепсей (по Заике); 6 – Писаница Сибиктэ (по Кочмару, 1994); 7 – кулайское культовое литьё (по Ковтуну, 1993); 8 – Большая Када (по Окладникову, 1966); 9 – Шигирский идол; 10 – Писаница Укыр; 11 – изображение на самусьской керамике; 12 – Писаница Бэс-Юрях (по Кочмару, 1994); 13 – Писаница Манзя (по Заике); 14 – изображение на оленнем камне (по Заике); 15 – Американский Конь – вождь индейцев сиу (фотопортрет, 1870-е гг.); 16-18 – писаница Ленкова гора (по Заике)

Возможно, истоки «скелетного» стиля лежат в основе архаичной традиции промазывать красной охрой (а первоначально – кровью) контуры фигур животных с целью их «оживления». Таким образом, по древним представлениям, можно было добиться восполнения поголовья представителей таежной фауны (объектов охоты), возрождения погибших животных, возвращения ушедших стад.

Для более интенсивного «кровообращения» появились дополнительные поперечные каналы, которые могли обеспечить большую «жизнеспособность» образа, его более высокую потенциальную роль во время совершения магических ритуалов, направленных на благополучие первобытного коллектива (рис. 1 – 1, 3).

Не исключено, что одним из поводов могли послужить наблюдения за вертикальными подтеками жертвенной крови или красящего пигмента на отвесных фризах скалы во время обрядовых действий (рис. 1 – 6, 12). Подтеки охры приводят к появлению «каблуков», гипертрофированных фаллосов у антропоморфных фигур, которые нередко заливают их контуры (рис. 1 – 16-18)]. Соединив линии хребта и живота соответствующими желобками, можно было «помочь» движению «потока жизни», направить его в нужное русло. С этой целью у антропоморфных фигур поперечные линии соединяли, как правило, по диагонали (рис. 1 – 8, 13). Развитие подобной практики привело к появлению и широкому распространению изображений животных, густо заполненных «тельняшкой» поперечных линий (рис. 1 – 2, 5).

Примечательно, что в ранних петроглифах Северной Азии (особенно лесной зоны) практически отсутствуют сцены охоты, но получает свое развитие «скелетный» стиль. Диаметрально противоположная ситуация наблюдается в архаичных наскальных рисунках Средней Азии и Кавказа, наскальном искусстве Карелии, онежских петроглифах.

По всей видимости, эта «палка о двух концах» связана с промысловой охотничьей магией, т. е. мы встречаемся с различными формами ее проявления, различными не только по форме выражения, но и по своему содержанию.

Если в первом случае исполнение рисунков и связанных с ними обрядовых действий направлено на возрождение природного окружения, в частности, «поголовья» промысловой фауны, редющего по естественным причинам (мор, миграции) или вследствие антропогенного воздействия (прямое или косвенное истребление человеком), т. е. нацелено на сохранение гармоничного баланса между человеком и природой, дабы не иссякли ее пищевые ресурсы, то во втором случае изобилие промысловых сюжетов в наскальном искусстве иллюстрирует культовую практику магических действий, связанных с обеспечением удачи в охоте, рыболовстве, продуктивного изъятия пищевых ресурсов из природного окружения.

То есть в петроглифах различных регионов представлены два аспекта решения общей задачи достижения жизнеспособности первобытного социума на уровне присваивающего хозяйства: «экологический» и «потребительский».

Архетипичность представлений о цикличности жизни и смерти, универсальность идеи возрождения / воскрешения объектов природы в древнем мировоззрении определили широкое распространение «скелетного» стиля в искусстве Се-

верной Азии. Со временем изначальный смысл ритуальной практики был забыт, но культовая значимость изображений, выполненных в данной манере, сохранялась в течение продолжительного времени, дополняясь новым смыслом.

Список литературы

- Вадецкая, Э. Б. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине / Э. Б. Вадецкая // СА. – 1965. – № 4. – С. 211-219.
- Ковтун, И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц / И. В. Ковтун. – Кемерово, 1993. – 99 с.
- Кочмар, Н. Н. Писаницы Якутии / Н. Н. Кочмар. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1994. – 262 с.
- Кубарев, В. Д. Древние рисунки Каракола / В. Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 171 с.
- Леонтьев, Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры / Н. В. Леонтьев // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С. 88-118.
- Мартынов, А. И. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб» / А. И. Мартынов // Известия СОАН СССР. Сер. обществ. наук. – 1971. – № 3. – С. 103-118.
- Молодин, В. И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц / В. И. Молодин // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. – С. 4-25.
- Окладников, А. П. Шишкинские писаницы / А. П. Окладников. – Иркутск, 1959. – 210 с.
- Окладников, А. П. Петроглифы Ангары / А. П. Окладников. – М., Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников, А. П. Сокровища томских писаниц / А. П. Окладников, А. И. Мартынов. – М.: Наука, 1972. – 255 с.
- Пяткин, Б. Н. Шалоболинские петроглифы / Б. Н. Пяткин, А. И. Мартынов. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.
- Студзицкая, С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре / С. В. Студзицкая // Бронзовый век Приангарья. – Иркутск, 1981. – С. 38-42.
- Формозов, А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее / А. А. Формозов // СЭ. – 1967. – № 3. – С. 6-82.
- Формозов, А. А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968-1972 гг.) / А. А. Формозов // СА. – 1973. – № 3. – С. 257-265.
- Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 327 с.